

оксфордском словаре пятью значениями, а в англо-русском – шестью.

Но, даже учитывая расхождения в дефинициях значений слова в разных словарях и количественный разноразбой в презентации значений в словарной статье, можно обнаружить интегральный компонент, характерный для всех значений, – это признак контакта, то есть совершение целенаправленного действия для достижения контакта между предметами или людьми.

Глагол «apply» имеет русский эквивалент – однокоренное существительное «апликация» с тем же интегральным признаком: «наложение одного предмета на другой». И именно это значение – нанесение вещества на поверхность предмета реализуется глаголом «apply» в специальных (ботанических) текстах.

То есть смысловая основа слова является связующим звеном между английским и русским эквивалентом. Такое понимание смысловой связи между словами разных языков обуславливает осознанный, логический, а не механический перевод.

К сожалению, на данный момент не существует словарей, отражающих проблему унифицированного выражения содержания в одном языке и дифференцированного выражения тождественного содержания в другом.

Несовпадение объема значений соотносительной русской и английской лексики обусловлено несовпадением так называемых национальных картин мира, и одной из причин лексико-семантической интерференции является лингвокультурологическая интерференция. Однако чаще эта проблема ставится в связи с обучением прагматике общения, а вопрос об использовании культурологической информации, в целях предупреждения лексико-семантической интерференции речи носителей русского языка на иностранном, до сих пор не изучен.

Проблема состоит в выявлении потенциальных ошибок по лексико-семантической интерференции, возникающих в результате несовпадения объема значений соотносительной английской и русской лексики, и разработке способов обучения лексике с учетом лингвокультурологических причин этого несовпадения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожина М.Н. О речевой системности функционального стиля. Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тареза.– М., 1973.– С. 198.
2. Кубрякова Е.С. Лексикон и современные проблемы его изучения. Сб. научных трудов МГПИУ. М., 1991.– Вып. 375.

Поступило в редакцию 11.04.2002 г.

*Мезенко А.М.
(Витебск, Беларусь)*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УРБАНОНИМИИ БЕЛАРУСИ XVI – НАЧАЛА XX ВВ.

Важнейшими хранителями прошлой и настоящей истории городов являются внутригородские названия линейных (улиц, переулков, трактов и др.), территориальных (площадей, рынков, парков, скверов) и масштабных объектов.

Цель исследования – выявить пути и способы трансляции культурно-исторической информации названиями городских объектов.

Объектом анализа явилась урбанонимия более девяноста больших, средних и малых белорусских городов XVI – начала XX в.

Имя внутригородского объекта – особое слово. В отличие от имени человека, которое дается на всю жизнь и сопровождает его в течение всей жизни, урбаноним на протяжении существования объекта может изменяться, но при этом, как любое имя, является образом и тенью души создавшего его народа. Семантическая структура урбанонима, как и имени собственного вообще, включает в себя энциклопедическое значение, частью которого является культурная и историческая информация.

В современной ономастической науке существует несколько подходов к трактовке «значения», «смысла», «содержания» топонимов, наиболее перспективным среди которых представляется подход, получивший научное обоснование в монографии М.В. Горбаневского «Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей» [1] и состоящий в понимании топонима как некоего свернутого текста, который по-разному и в неравном объеме актуализируется в различных речевых ситуациях. «Развертывание такого текста и представляет собой основу как собственно лингвистической информации о топониме, так и экстралингвистических (фонových) знаний о названии и об объекте, за которым закрепили топоним (например, улице или площади в городе)» [1, с. 7].

На то, что доминирующими в семантической структуре топонима являются именно фоновые знания культурно-исторического, национально-культурного характера, одними из первых, в 1980 г., обратили внимание Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, подчеркивавшие, что национально-культурный компонент свойствен именам собственным, даже в большей степени, чем апеллятивам, и что топонимы не являются простыми терминами географической науки, а обладают яркими культурными компонентами в своей семантике [2].

Обращение современной ономастики к этой проблеме неслучайно: в последние десятилетия наблюдается активное сближение этой области языкознания с рядом других научных дисциплин (включая такие далекие от лингвистики дисциплины, как генетика [3]), к настоящему времени завершившееся формированием новой синтетической научной дисциплины – когнитивистики.

Информационный потенциал (т.е. все фоновые знания) конкретного урбанонима может быть раскрыт только на фоне всех остальных однородных и разнородных имен того или иного ареала, в нашем случае – Беларуси.

В названиях улиц, переулков, зданий и других внутригородских объектов при их системном сопоставлении прослеживается общественно-политическая, церковно-религиозная, социально-экономическая история края, особенности его заселения.

Первые названия улиц, исторически засвидетельствованное существование которых относится к 1485 г. (*Русская улица, Немецкая улица** – Берестье (совр. Брест)[4]), характеризовали объект с точки зрения национальной принадлежности поселенцев. Памятуя о том, что в топонимии имя объекта всегда выделяет его, отличая от остальных, можно предположить, что в Бресте XV в. русские, как и немцы, не относились к коренному населению и вынуждены были селиться отдельно. В XVI – XVIII вв., судя по

урбанонимам, население края было смешанным и включало в свой состав также русских (*Русский посад* – Витебск, 1641 г.), татар (*Татарский конец* – Минск (совр. Минск), 1560 г.; *Ulica Tatarska* – Береза, 1765 г. и др.), евреев (*Ulica Cydowska* – Пинск, 1552 г., Берестье, 1566 г., Кобрин, 1649 г., Слоним, 1662 г., Слуцк, 1765 г. и др.), поляков (*Ulica Polska* – Кобрин, 1649 г.), шведов (*Ulica Szwiecka* – Слоним, 1662 г.), немцев (*Ulica Niemiecka* – Ляды, 1731 г.; *Немецкий рынок* – Гродно, 1560 г.; Вильна, 1793 г.), литовцев (*Ulica Litewska* – Каменец, 1777 г.), греков (*Ulica Grecka* – Ляды, 1731 г.).

В XX в. при номинации внутригородских объектов признак по национальной принадлежности жителей исчезает, поскольку в результате миграции население большинства белорусских городов, особенно крупных, с развитой промышленностью, становится многонациональным. Изжила к этому времени и практика заселения определенных улиц людьми одной национальности. Поэтому анализируемую группу названий в начале XXI в. составляют, с одной стороны, наименования улиц, сохранившиеся от прошлых эпох, с другой – наименования типа *Белорусская улица*, *Украинская улица* (Брест, Витебск, Гомель, Минск, Могилев, Орша и др.), *Литовская улица* (Гродно), которые являются названиями-символами и информации о национальности жителей уже не несут.

В XVI, а особенно в XVIII в., в белорусских городах появляются названия, связанные с профессиональной и сословной дифференциацией жителей. Развертывание свернутого в них текста высвечивает фоновую информацию о существовавшем в указанное время обычае, предписывавшем людям, занимавшимся одним ремеслом, селиться вместе, а также о том, что самыми распространенными среди белорусов ремеслами в XVI – XVIII вв. были ремесло кузнеца (*Ulica Kowalska* – Пинск), кожевника (*Ulica Charbarska* – Слоним), скорняка (*Ulica Kuznierska* – Пещатка), кожемяки (*Ulica Kożmiacka* – Кругель), ювелира (*Злотарская улица* – Гродно). Урбанонимиконы Борисова, Бреста, Витебска, Гродно, Каменца, Копыля, Липска, Минска, Несвижа, Пружан, Речицы, Рубежович, Седьца, Сенно, Слонима, Слуцка во второй половине XVIII – XIX вв. пополнились новыми единицами данной группы: *Резницкая улица*, *Рыбацкая улица*, *Фурманская улица*, *Мулярская улица*, *Солдатская слобода*, *Офицерская улица*, *Слесарская улица*, *Инженерная улица*, *Сапожническая улица*, *Купеческая улица* и др., которые, начиная со второй половины XIX в., информации о профессии живущих на них горожан уже не несут в связи с тем, что прямая номинация внутригородских объектов по ремеслу жителей в указанное время уступает место опосредованной, или косвенной, в результате чего названия современных оршанских улиц типа *Учительская улица*, *Шоферская улица*, гродненских *Охотничья улица*, *Комбайнерская улица* и подобных лишь символизируют определенные профессии. Своеобразными посвящениями в честь различных профессий выступают и такие названия линейных объектов, как *проспект Строителей* (Витебск, Могилев), *улица Космонавтов* (Витебск, Могилев, Полоцк), *улица Мелиораторов*, *улица Химиков* (Могилев), *улица Энергетиков*, *улица Швейтников* (Витебск), *улица Геофизиков* (Гомель), *улица Текстильщиков* (Орша) и др. Названия же, в основу которых был положен признак сословной принадлежности жителей, не сохранились. Они первыми были заменены после установления советской власти. Таким образом, степень культурно-исторической

информативности двух этих групп названий тем выше, чем они древнее.

Многие белорусские города исследуемого периода запечатлели в своих названиях личные имена домовладельцев, первыми построивших дом на улице, или владельцев земли, по территории которой прокладывалась улица. К наиболее древним из собранного нами материала относятся *Оидронов переулоч*, существовавший в 1552 г. в Полоцке, *Пришийфостская улица* в Городце 1563 г., на которой находился «первый домъ на первой полати зъ рынку по-прав? пана Семена Пришийфостскаго» [5] и др. В связи с ростом городов заметно увеличивается число антропонимных урбанонимов. К концу XIX в. на их долю в разных белорусских городах приходится в среднем около 18% от общего числа топонимов, а в отдельных городах (например в Бобруйске) их процентное содержание достигает 41% (Здесь и далее названия приводятся в орфографии памятника письменности).

Однако начавшееся в это время администрирование процесса номинации привело к постепенному переходу от наименований по первопоселенцам и владельцам к именам-посвящениям. Так, в честь императора Александра I переименовывается бывшая Шоссейная улица в Бресте; в честь генерал-адъютанта из рода фон-Рихтеров, в 1898 г. назначенного состоять при особе царя, называется проспект в Борисове (*проспект Генерала Рихтера*) [6]; имя генерал-адъютанта Скобелева получают улицы Гомеля и Минска (1870 г.) [7] и др.

В силу того, что урбанонимы, вероятно; более других разрядов топонимов подвержены воздействию экстралингвистических факторов, именно данная группа названий после смены Западной Белоруссией государственности в 1919-1920 гг. ликвидируется. На смену им приходят наименования в честь польских государственных и военных деятелей, деятелей польского национального движения, польских писателей: *улица Батория, Кишинского, Курстовского, Листовского, Мицкевича, Замойского, Нерца, площадь Пилсудского, улица Сенкевича, Словацкого, Собеского, Стецкевича, Шептыцкого* и др.

Именно этим объясняется тот факт, что при переименовании улиц, площадей, парков в западнобелорусских городах в 1939-1940 гг., после присоединения их к БССР, так широко (около 20% переименований) применялся принцип замены названий по контрасту. Например, существовавшая в первой половине XIX в. в Бресте *Збироговская улица* в 1919 г., после присоединения к Польше, переименовывается в *улицу Листовского* (польского генерала), а в 1940 г., после присоединения к БССР, — в *улицу Буденного*.

На протяжении дальнейшего развития белорусской урбанонимии доля названий улиц, переулков, площадей, проспектов, тупиков, проездов, образованных от личных имен, постепенно возрастала, расширялся диапазон имен лиц, вовлекаемых в урбанонимию. Благодаря антропонимам, легшим в основу ойкодомонимов и эргонимов, можно получить фоновую информацию о имевших место в городах гостиницах, фабриках, заводах и других учреждениях и заведениях. Ср.: фабрика красок Горловского, фанерный завод Генахона и Хазанова, торговый дом «З.Ф. Тененбаумъ и Винниковъ», пильзовая фабрика «Ш. Голомбъ и К^о» (Брест, 1913 г.) и мн.др.

Нельзя не обратить внимания на изменение структуры названий. Связь с именем человека приводит к изменению лексико-грамматической природы внутригородского

названия – в права вступают: для годонимов – родительный падеж, для ойкодомонимов – именительный падеж имени собственного, заменяющие собой прежние адъективные конструкции.

Преобладающее большинство внутригородских объектов запечатлели в названиях свою географическую ориентацию. Главным ориентиром выступают более крупные населенные пункты, политические, экономические, культурные центры государства. Отсюда вполне закономерно, что самыми частотными, например в XVI в., были *Виленская улица* (зафиксирована в 35-ти населенных пунктах), *Минская улица* (зафиксирована в 13-ти населенных пунктах), *Гродненская улица* (в 11-ти населенных пунктах), *Брестская улица* (в 7-ми) и др. Другие урбанонимы несут информацию о взаимной ориентации населенных пунктов в местной подсистеме координат: *Клецкая улица* в Копыле и Слониме (1754 г.) вела в сторону Клецка; *Книшинская улица* в Василькове Гродненского повета (1765 г.) вела в сторону Кнышина; *Углянская улица* в Березе Брестского повета (1767 г.) вела в сторону Углян и т.п. В городах, расположенных на берегах рек, главным ориентиром выступала река, и поэтому внутригородские объекты получали такие названия, как *Верхнебережная улица* и *Нижнебережная улица* (Витебск, 1789 г.), или от гидронимные названия: *Подвишье* (часть Витебска, расположенная вдоль реки Двина), *улица Ясельда* (расположена вдоль реки Ясельда в Пинске — 1552 г.), *Днепровский проспект* (в Могилеве 1917 г. вел в сторону реки Днепр) и др.

Таким образом, говоря о культурно-исторической информативности урбанонимов, необходимо отметить ее тесную связь с информативным потенциалом местной ойконимии, гидронимии и антропонимии, до настоящего времени остающихся главным источником пополнения внутригородских названий.

В XVIII в. в связи с дальнейшим развитием городов и начавшейся их перепланировкой города начинают делиться на старые (*Stare miasto*) и новые (*Nowo miasto*) части. В урбанонимиконах, прежде всего крупных городов, появляются названия, противопоставленные морфемами *нов-* и *стар-*: *Старобельская улица / Новобельская улица*, *Старогродненская улица / Новогродненская улица* (Крынки, 1708 г.), *Старочерниговская улица / Новочерниговская улица* (Могилев, 1917 г.) и т.п. Иногда в отношении бинарной оппозиции вступают однокорневое название и название с морфемой *нов-* или *стар-*: *Берестейская улица / Ново-Берестейская улица* (Мотоль Пинского староства, 1552 г.), *Гончарская улица / Старогончарская улица* (Пинск, 1935 г.) и т.п. В первой половине XX в. количество таких пар сокращается, морфема *нов-* начинает превалировать над морфемой *стар-*: например, из семи названий в Минске в 1919 г. четыре имели морфему *нов-* и три – морфему *стар-*. В результате трех волн переименований (1920-е гг., 1960-е гг., 1990-е гг.) пары *старо-/ново-* в большинстве городов распались.

В XVIII же веке окончательно утрачивают свое значение оборонительные сооружения, отпадает нужда в вале (или окопе), хотя в названиях улиц до конца XIX в., а в отдельных случаях до нашего времени (ср. *улица Вал Красной Звезды* – Могилев, 1991 г.) сохранялась память о нем: *Ковальская улица за окопом* (Витебск, 1889 г.).

Выделяя специфические особенности культурно-исторической информативности урбанонимов Беларуси, нельзя не упомянуть о церковных наименованиях.

В XVI – XVII вв. в Беларусь из Польши стали проникать и обосновывать монастыри представители самых разнообразных католических орденов, которые очень быстро расширяли свое влияние. Легко объяснимо поэтому то, что десятки улиц больших и средних городов начали носить имена расположенных на них костелов и кляшторов: *Бenedиктинская улица* (Пинск, 1866 г.), *Бернардинская улица* (Несвиж, XVII в., Гродно, 1784 г., Брест, нач. XIX в., Пинск, 1866 г., Слуцк, 1912 г.), *1-й Бернардинский переулок*, *2-й Бернардинский переулок* (Минск, 1866 г.), *Бернардинское подгорье* (Гродно, 1783 г.), *Бонифратерская улица* (Гродно, 1850 г.), *Бригитская улица* (Гродно, Брест, нач. XIX в.) и др. Все они – яркая примета специфического в культуре белорусов.

О существовании в Беларуси в XVI – XIX-вв. религиозно-благотворительных и культурных объединений городского населения православного, католического или униатского вероисповедания, получивших наименование *братств*, долгое время свидетельствовали названия церквей и монастырей (*Братская церковь* – Могилев, 1654 г.), в свою очередь давших жизнь годонимам – *Братская улица*, *Братский спуск* (Могилев, 1912 г.), *Братский переулок* (Брест, 1922 г.) и др.

Таким образом, анализ показал, что урбанонимы фиксируют непрерывную цепочку хронологически связанных между собой внутригородских названий, имевших отношение к социально-экономической и общественно-политической истории Древней Руси, Великого княжества Литовского, Польши, России.

Культурная и историческая информативность урбанонимии крупных и мелких населенных пунктов различается коммуникативным уровнем, на котором могли восприниматься заключенные во внутригородских названиях сведения. Урбанонимы крупных городов несли в себе, кроме представления о наиболее важных в крае объектах, еще и ассоциации с единичными понятиями общепольского (ср.: *Ягеллонская улица*, *улица Пилсудского*, *улица 3-го Мая*, *улица 11-го ноября* и подобные) и общероссийского (*Александровская улица*, *улица Графа Муравьева*, *Фельдмаршальская улица*, *улица Суворова*, *улица Графа Толстого* и т.п.) масштаба. Урбанонимы небольших населенных пунктов несли, главным образом, информации пространственной и временной оси координат, о местоположении данного относительно окружающих населенных пунктов, об именах людей, легших в основу наименований внутригородских объектов.

Вследствие своеобразия социально-географической судьбы Беларуси, ономастика ее, и в частности урбанонимия, хранит в себе богатую культурно-историческую информацию, трансляторами которой выступают названия внутригородских объектов совместно с другими слагаемыми ономастикона – прежде всего ойконимами, гидронимами, антропонимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / Институт языков народов России. – М.: Общество любителей российской словесности, 1996.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – С. 170, 175.
3. Соколовский С.В. Имена и гены (Историческая ономастика как источник реконструкции популяционных структур) // Имя и этнос: Сб.ст. – М., 1996. – С. 86 – 92.

4. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею для разбора древних актов. Т. 3.– Вильно, 1870.– С. 5.
5. Сапега Д. Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г.– Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1876.– С. 4.
6. Клейн Э.М., Довгялло Д.И., Белоцерковец И.Е. Город Борисов. — Вильна. Изд-во Сев.зап.отд. РГО, 1910.
7. Национальный исторический архив, ф. 299, оп. 5, ед.хр. 374.

Поступило в редакцию 10.04.2002 г.

Ничик Н.Н.

(Симферополь, Украина)

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА А.А.АХМАТОВОЙ

Ассоциативные связи слов – характерное явление для поэтической речи, расширяющее границы семантической номинации, увеличивающее смысловую плотность высказывания. По мнению И.Р.Гальперина, ассоциативные связи возникают «в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным и общественным опытом» [1, с.45].

Слово или группа слов, осложненные ассоциативными связями, позволяют сформулировать оценку явления и выразить ее не в логическом силлогизме, а в живом динамическом образе, фокусирующем в себе наглядно-чувственное представление и служащее причиной рождения поэтического текста. По мнению Д.М.Поцупни, поэтическое слово в этом случае «выступает как результат художественного обобщения довольно развернутого контекста» [2, с.128].

1. Ассоциативные связи слов в поэтической речи А.А.Ахматовой охватывают широкий круг источников: события истории, явления культуры, произведения русской и зарубежной литературы. Среди литературных источников останавливает внимание обращение А.Ахматовой к поэтическому миру великого датского сказочника Г.Х.Андерсена. В цикле «Чегки» встречается аллюзия из сказки «Гадкий утенок» [3, с.171-179].

Поэтическая миниатюра А.Ахматовой «В ремешках пенал и книги были» [4, с.68] отмечена посвящением НГ – Н.С.Гумилеву:

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый,
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой пезвонок.

1912 г., Царское Село

Обращение к произведениям Г.Х.Андерсена связано с тем, что А.Ахматова восстанавливает момент первой встречи с объектом лирического повествования, реально состоявшейся в 1903 г., в ее гимназические годы [5, с.20], овеянные